

Г. И. Берестнев, Л. Б. Бойко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕТ И ПРЕДПИСАНИЙ НАРОДНОЙ МАГИИ

31

Приметы в настоящее время определяются как перспективный объект когнитивно-языковых исследований. При этом их часто путают с построениями, которые таковыми не являются, чаще всего с предписаниями народной магии. В статье представлен комплекс критериев, которые позволяют четко разграничить те и другие. Наиболее яркий из них – ориентированность на действие (или на отказ от его осуществления) в магических предписаниях и принципиальная внешняя событийность – в приметах. Строгое разделение двух отмеченных объектов открывает возможность для их дальнейших исследований в междисциплинарной сфере.

Signs and superstitions currently make a promising object of research in cognitive linguistics. However, they are often confused with constructs of a different nature – usually with folk magic prophecies. The article presents a set of criteria that clearly distinguish between the two. The most important criterion is the focus on action (or rejection thereof) in magical prophecies and the principled external eventfulness in signs. A sharp delineation between the two objects opens up the possibility for their further interdisciplinary research.

Ключевые слова: знак, семиотика, семантика, когнитивная лингвистика, приметы, магические предписания, логический анализ, синхроничность.

Keywords: sign, semiotics, semantics, cognitive linguistics, signs, magic prescriptions, logical analysis, synchronicity.

Современная наука о языке, лежащая в рамках когнитивной парадигмы, обнаруживает заметную тенденцию к расширению объектной базы. В круг объектов, исследуемых с целью постижения глубинной семантической природы человека и его познавательных способностей, начали вводиться явления, ранее принципиально полагавшиеся вне сферы ее интересов. Так, с когнитивно-языковых позиций стали исследовать феномены вербальных и акциональных пророчеств [4], пророческих сновидений [3; 11; 13; 15], явления синхроничности [2].

К числу таких объектов относятся и народные приметы. Наблюдаемые в них образные связи позволяют выявить устойчивые смысловые корреляции в человеческой ментальности, а на этой основе – постичь глубинные взаимодействия объективной действительности и субъективного мира человека. В перспективе это может способствовать прояснению вопроса о характере связи между физической и психической реальностями. Значимость этого вопроса и общий вектор его рассмотрения определил в 1952 г. В. Паули. В одном из писем он писал А. Пайсу¹:

¹ Абрахам Пайс (1918–2000) – американский физик-теоретик и историк науки.

Общая проблема соотношения между *psyche* и *physis*, между внутренним и внешним, едва ли может считаться решенной термином «психофизический параллелизм», введенным в прошлом столетии. Все же, возможно, современная наука приблизила нас к более удовлетворительной концепции этого соотношения, когда она установила понятие дополнительности в физике. Было бы лучше всего, если бы *physis* и *psyche* можно было бы принимать как дополнительные аспекты одной и той же реальности (цит. по: [12, с. 289 – 290]).

Приметы – предмет давнего интереса исследователей. При этом традиционным является их рассмотрение в контексте фольклора. Приметы фиксируют вместе с отвечающими им культурными контекстами, описывают их семантику, по возможности восстанавливают происхождение. Этот подход был реализован еще в фундаментальном труде М. Забылина «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» [8]. На аналогичных позициях стоял и В. И. Даль, отметивший суеверия и приметы наряду с пословицами и поговорками. В последнее время установочная база исследования примет существенно расширилась. Так, их культурный и сравнительно-исторический анализ в разных традициях осуществлен в недавней работе [9]. Языковые особенности русских примет – их грамматика, своеобразие концептосферы, эстетика, функциональная сторона – проанализированы в монографии [18]. Русские и немецкие народные приметы в лингвокультурологическом аспекте с целью сравнения их семантических и прагматических особенностей рассмотрены в диссертации [10]. Сопоставительный анализ семантики и синтаксиса русских и английских примет с компонентом «зооним» проведен в диссертации [6]. В поле зрения исследователей попадали семантика примет, их логическая структура, определяемая с точки зрения грамматики и синтаксиса. Иными словами, приметы к настоящему времени могут считаться уже достаточно надежно устоявшимся объектом лингвистических исследований.

При всем этом в работах, посвященных приметам, время от времени прослеживается одна неточность, которая, как представляется, искажает их понимание. Исследователи в категориальных рамках примет порой рассматривают предписания народной магии, по своей синтаксической структуре близкие приметам. Эта «традиция» также зародилась в XIX в. Так, М. Забылин, рассуждая о приметах, приводил такие примеры:

Булавку давать – не должно, чтобы не раздружиться; а уж если нельзя обойтись, то сперва уколоть того в руку, кому давать приходится.

Воск из дому выносить самому не должно, так как это убыль пчеловодству.

Против заговоренного от пули. Заговоренного от пули, по народному поверью, можно убить серебряной или золотой пулею; но также можно облешить пулю воском и стрелять; тогда тоже чародей против ее силы своей противопоставить не может [8, с. 262].

Нечто похожее наблюдается у В. И. Даля в отношении примет и магических предписаний. Однако и то, и другое приводится у него в группе «суеверия – приметы». Ср.:

*В покое, где лежит покойник, не метут до выноса его.
Мерку с покойника кладут с ним в могилу.
При кончине человека ставят воду на окно, чтобы душа обмылась [7, с. 344].*

Неточности подобного рода встречаются и в современных работах. Так, в монографии В.К. Харченко и Е.Е. Тонковой в качестве примет приводятся установки, на самом деле относящиеся к магическим.

Стоя под венцами, жених и невеста должны были креститься одновременно, «чтобы жить любовнее».

Ребенку до года рубаху из нового холста не шить, а то умрет.

Пустую колыбель или коляску качать нельзя, а то ребенок умрет.

Кто первым в новое жилье войдет, тот первым и умрет.

Нельзя в старом доме делать новое окно, а то скоро гроб будет [18, с. 124, 125, 127].

Правда, авторы и сами замечают это несоответствие и пытаются объяснить его. «Обращает на себя внимание тот факт, — пишут они, — что информанты не отграничивают собственно приметы от ритуальных, магических и табуированных действий. Приводились и такие формы: *Вечером в долг не дают и долгов не возвращают — к бедности. Если кто-то надолго уехал из дома, три дня нельзя убирать, а то не вернется. <...> В доме нельзя иметь треснувшую посуду — к бедности или ссорам*» [18, с. 133]².

Вышеприведенные наблюдения настоятельно ставят вопрос о критериях разграничения примет и ритуальных или магических предписаний. Какие логические условия их разграничивают? Как реализуются в обозначенных в них событиях причинно-следственные связи? Какое место занимает символическая образность в приметах и магических предписаниях? Какова глубинная когнитивная природа тех и других? Эти вопросы определяют направление сравнительного анализа примет и магических предписаний с целью определения критериев их существенных отличий.

Базовые логические модели примет и магических предписаний внешне выглядят одинаково и имеют вид $A \sim B$, где A — некое исходное событие в действительности, B — второе событие, а знак \sim представляет связь между ними. Однако в реальности они существенно различаются и допускают различные преобразования.

² Другой вариант этой же ошибки — смешение с приметами таких законченных синтаксических построений, которые на самом деле выполняют функцию информирования культурного субъекта о некоем положении дел в действительности. В подобных случаях предлагается считать приметами, по сути, поговорки и пословицы. В структурном плане они также могут быть двучленными, но эта двучленность — не что иное, как соотношенность явлений действительности в лингвокультурной картине мира. Ср.: *Зимой вьюги, а летом ненастье; Летом ногой приволочешь, а зимой губами подберешь; С Ильина дня заципывают (собирают) горох, а репу с Ивана постного (29 августа); Кузьма закует, а Михайло раскует [17].*

Магические предписания. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в логических предписаниях A — это установка на некое действие. Иными словами, магическое предписание предполагает произвольное осуществление соответствующего акта человеком, обращено к его деятельностной сфере. Ср.:

Чтобы не бояться покойника, хватают его за ноги.

С похорон домой, так руки к печи. С проводов покойника надо руки погреть (чтоб не занести домой смерти)³.

В подобных условиях речь часто идет и о запрете на выполнение действия. В связи с этим магические предписания по своей логической сути видоизменяются и представляют отрицание действия A , запрет на его осуществление, что символически изображается как $\neg A$. Ср.:

Не называть, лаская, котят мышатами: мать загрызет их.

Аршина на кровать не класть — покойник будет.

Не покидать ниток на веретене к воскресному и праздничному дню, чтобы не рвались.

Далее, в магических предписаниях B — событие, на устранение которого направлено отмеченное магическое действие. Оно в норме имеет негативный характер и изображается как $B_{(neg)}$, но в этой позиции возможны и позитивные события.

Еще одна особенность таких магических предписаний — возможность формальной незаполненности позиции B , при которой негативное событие, против которого направлено предписание, прямо не указывается, но предполагается как некая абстракция, определяемая с оценочной точки зрения просто как «нечто негативное». Символически такие случаи могут быть изображены как $\emptyset_{(neg)}$. Ср.:

Носилок с погоста в день похорон не возвращают (твер.).

Солому, на которой лежит покойник, сжигают за воротами.

Мерку с покойника кладут с ним в могилу (ниж. арз.).

Что касается отношений между событиями A и B в магических предписаниях, то они также могут варьироваться. В частности, они могут быть целевыми и определяться в трех аспектах: а) «Чтобы не состоялось негативное событие B , нужно осуществить действие A »; б) «Чтобы не состоялось негативное событие B , нужно не осуществлять действие A »; в) «Чтобы состоялось позитивное событие B , нужно осуществить действие A ». В первом случае предписанное действие защищает от негативного события, во втором предписывается избегать действия, вызывающего негативное событие, в третьем — предписывается совершать действие, вызывающее позитивное и желательное событие. Ср.:

Чтоб не слишком тосковать по покойнике, натираться против сердца землей из могилы.

³ Здесь и далее тексты примет и предписаний приводятся по изданию В.И. Даля [7].

*Родным не нести покойника, чтоб не подумали, что они рады смерти его.
При кончине человека ставят воду на окно, чтоб душа обмылась.
Против сердца две иглы накрест сохраняют от порчи.*

Второй возможный вид отношений между событиями *A* и *B* в магических предписаниях — отношение следствия. В случаях такого рода *A* составляет изложение запрета на некое действие, а *B* описывает негативное событие, которое произойдет при нарушении этого запрета.

В день рождества Христова хозяину не годится со двора идти: овцы заблудятся.

За ужином хлеба не начинать, не спор будет.

Не играй ножом — ссора будет.

Не клади пряслицы на стол — сорок грехов наживешь.

35

И третий вид отношений, определяемый внутри магических предписаний без явно выраженного события $V_{(neg)}$, — пояснение. Оно может представляться эксплицитно или иметь имплицитный характер. В первом случае предписание к магическому действию сопровождается прямым пояснением его функциональности. Во втором случае этого пояснения нет, но оно прагматически восстанавливается в сознании лиц, принадлежащих данной культурной традиции или знакомых с ней. Ср.:

После покойника шесть недель стоит на окне стакан воды, а на углу избы, снаружи, вывешено полотенце (душа шесть недель витает на земле, до поминок, купается и утирается).

Нитку первоуценку пряжа должна сжечь и съесть.

Постель покойника на три дня выносят в курятник на опевание петухам (чтоб петухи опели).

В первом примере объяснение магического действия *A* дается прямо и связывается с философско-религиозными установками христианства. Во втором примере такое объяснение не приводится; можно лишь догадываться, что внешнее свидетельство первого успеха пряжи должно быть преобразовано посредством стихии огня и стать ее метафизическим внутренним достоянием⁴. В третьем примере объяснение также не

⁴ В этом примере значимы три культурных концепта — «первое», «сжигание», «съедание». Судя по всему, они имеют характер культурных универсалий и фигурируют в разных культурных условиях. Так, «первое» в разных культурных условиях оказывается в более сильной позиции по сравнению с другими (ср. *первая чарка старшему* «почетная», *первая брань лучше последней, последние будут первыми (у Бога)*). Еще более отчетливо идея «первого — главного» просматривается в конструкциях *Первый в совете, первый и в ответе; Первый звон чертям разгон; Кто पहले, тот и правее; Первое лицо в заседании*. В народных представлениях славян *огонь* — одна из основных стихий мироздания (наряду с водой, землей и воздухом). Древнерусские язычники сжигали своих мертвецов, веря, что так они теряют теперь уже ненужное тело и перенесутся в иной мир — в рай [16, с. 284]. Столь же важна семантика съедания. В этом акте человек «внешнее» и «чужое» делает «внутренним» и «своим». Эта ритуальная, по сути,

формулируется, но восстанавливается на основе актуальных для времени функционирования данного магического предписания культурных знаний. В народных верованиях славян петух — вещая птица, способная противостоять нечистой силе и в то же время наделенная демоническими свойствами. Крик петуха способен отгонять нечистую силу. Ночью, после первого крика петуха, у русских было принято креститься со словами: «Слава Богу! Свят Дух по земли, а дьявол сквозь земли, теперь бояться нечего» [5, с. 307]. Иными словами, опеванием постели покойника петухами окончательно порывалась ее связь со смертью.

В целом возможные логические модели магических предписаний представляются следующими символическими схемами:

- а) $A \sim_{\text{цель/следствие}} \sim B_{(\text{neg})}$
- б) $\text{не-}A \sim_{\text{цель/следствие}} \sim \text{не-}B_{(\text{neg})}$
- в) $A \sim_{\text{цель/следствие}} \sim B$
- г) A объяснение

Важно еще раз отметить тот принципиально значимый момент, что во всех разновидностях магических предписаний элемент A — это событие с лежащим в его основе действием, или собственно действие, которое может быть выполнено человеком произвольно. Кроме того, магические предписания онтологичны в том смысле, что нацелены на регулирование действительности, поддержание ее в должном порядке. И в этом плане они близки ритуалам [1, с. 38].

Приметы. Первое, что должно быть отмечено в отношении примет, — это принципиально иная по сравнению с магическими предписаниями природа события A . Такого рода события по самой своей сути непроизвольны и не составляют установки к действию. Это нечто такое, что происходит в реальной действительности и может быть воспринято человеком. Ср.:

- Лошади фыркают в дороге — к радостной встрече.*
- Мураши в доме — к счастью.*
- Заяц по селению бежит — к пожару.*

установка прослеживается в основополагающих положениях доктрины христианства: слияние с Христом (и, соответственно, с его учением) осуществляется в акте причастия. Эта идея имеет и иное продолжение. В Откровении апостола Иоанна Богослова говорится, как он съел мистическую книгу Ангела. «И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем» (Откр. 10: 10). Образный ход с той же семантикой отмечается в Книге Иезекииля: «Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот свиток: и сказал мне: сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе <...> И Он сказал мне: сын человеческий! Встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами! (Иез. 3: 2—4). В основе всех этих сюжетов лежит принцип метонимии.

Ни с какими запретами приметы не связываются. Также невозможны формы примет, при которых исходная ситуация *A* подвергается отрицанию (имеют вид *не-A*). Вместе с тем языковое описание ситуации *A* может содержать показатели негации, но они будут сугубо грамматическими и отнесутся к отдельным фрагментам соответствующей ситуации. Ср.:

*Если у одного из сидящих за кутьей нет тени, то он скоро умрет.
Если гроб не в меру велик – быть еще покойнику в доме.*

Вторую структурную часть примет, определяемую как *B*, составляет событие, принципиально значимое для воспринимающего лица. В оценочном плане это событие может быть как негативным, так и позитивным. Однако есть основания полагать, что их негативная оценочная семантика является более частой: приметы служат своего рода предупреждениями человеку о том, что с ним или его близкими может произойти что-то плохое.

Формальная незаполненность позиции *B* в приметах, в отличие от магических предписаний, невозможна. Если человек считает то или иное событие приметой, он с необходимостью устанавливает для себя и его семантику, которая, собственно, и определяется в позиции *B*. Важно при этом и то, что содержание указанного в данной позиции события является гораздо более абстрактным по сравнению с событием, отмеченным в позиции *A*, а в пределе описывается конструкциями с самой общей оценочной семантикой «к добру», «к счастью» или «к худу», «к беде». Ср.:

*Кукушка летает по деревне – к пожару.
Увидать домового – к беде, к смерти.
Сорока скачет на дому больного – к выздоровлению.
Мураши в доме – к счастью.*

Наконец, принципиально отличаются по своему характеру и отношения между событиями *A* и *B* в магических предписаниях и приметах. Если в первых они достаточно широко варьируются, то во вторых имеют исключительно характер импликаций и представляются выражением «Если *A*, то *B*». Это отношение демонстрируют и языковые описания примет. С семантической точки зрения это отношение условия. Ср.:

*Если у девки часто подол мокрый либо в грязи, то муж будет пьяница.
Если собака, стоя на ногах, качается, то хозяину выпадет дорога.*

События *A* и *B* в пословицах и поговорках могут рассматриваться и с семиотической точки зрения. В этом случае их единство определяется как особого рода знак, в котором *A* является «означающим», составляет план выражения данного знакового единства, а *B* является его «означаемым», составляет его содержание.

В отношении примет показательно и то, что их исходные языковые описания, отличающиеся от базовой модели «Если *A*, то *B*», легко пе-

реформатируются и приводятся к этой модели с учетом их знаковости. Часто такие «нестандартные» языковые описания примет реально оказываются эллиптическими, но в принципе легко приводятся к норме⁵. Ср.:

*Хлеб в печи раздвоился – к отлучке одного из семян.
Муха в питье или в еду – к подарку.*

Первый пример может быть перестроен в соответствии с базовой моделью примерно так: *Если хлеб в печи раздвоился, то один из членов семьи отъедет на какое-то время.* Второй пример может быть преобразован следующим образом: *Если кому-либо муха попала в питье или в еду, то это означает, что ему предстоит получить подарок.*

Наконец, важно отметить еще одну характерную черту примет, достаточно четко отличающую их от магических предписаний. Приметы в гораздо большей степени ориентированы на время, и это время – реальное, физическое. При этом в одних случаях темпоральная дистанция, соединяющая событие с его исполнением, строго не определяется – примета включает «режим ожидания» события в некотором достаточно близком будущем. Ср.:

*Сам себя оплоешишь – обнова будет.
Кони ржут – к добру.
Нос чешется – в рюмку глядеть.*

В других случаях срок исполнения приметы сжимается, и ожидаемое событие определяется в ее языковой формулировке как гораздо более близкое. Ср.:

*Кто нечаянно завидит свет в своем доме – жди счастья.
Коли собака крох не ест подле больного, то он скоро умрет.
Ус чешется – перед гостинцем (гостинцы есть).
Спотыкнуться – кто-то бранью помянул.*

В первом из приведенных примеров достаточно близкая дистанция исполнения приметы определяется «режимом ожидания», который включается глаголом *жди*. Во втором примере сроки исполнения приметы описываются несколько более определенно посредством наречия *скоро* с семантикой темпоральной ограниченности (ср.: *скоро* 'о близком наступлении чего-л., приближении ж чему-л.' – *Скоро ночь* [14, с. 117]).

⁵ В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова отмечают эллипсис как едва ли не самую заметную синтаксическую особенность примет: «Итак, практически любая примета – это торжество эллипсиса, причем обычно одной, наиболее общей модели: Что-либо – к чему-либо» [18, с. 57]. Ниже они пишут, выходя на более высокий уровень осмысления эллипсиса в приметах: «На наш взгляд, весь синтаксический строй народных примет подтверждает справедливость высказанной известным синтаксистом мысли: примета не просто доказывает полноценность неполноты, синтаксической компрессии, но превращает эту неполноту в критерий, наделяя ее жанросигнальными свойствами» [18, с. 59].

В третьем примере эта дистанция также определяется как неясная, но еще более сжатая и уже доступная вниманию человека, — на это указывает предлог *перед* (ср.: *перед* — употребляется при указании на предмет, лицо и т.д., к которому непосредственно обращено внимание какого-либо лица или по отношению к которому совершается действие этого лица — *Вертеться перед зеркалом*). В четвертом примере исходное событие и событие, раскрывающее его семантику, определяются как совпадающие во времени, синхронные.

В целом логическая модель примет может быть представлена в виде схемы $A \rightarrow B$, где A — некое событие в реальной действительности, имеющее объективный характер и не связанное с деятельностной сферой человека, не обусловленное его волевыми установками; B — некое содержание, представляемое другим событием или особо значимыми концептами, сопрягаемыми с оценкой «хорошо» / «плохо»; символ \rightarrow — показывает знаковую зависимость B от A .

С семиотической точки зрения приметы определяются как особого рода знаки, у которых план выражения составляют непосредственно воспринимаемые лицом события, а план содержания — другие реальные события, осуществляющиеся через определенный (относительно короткий) промежуток времени или синхронно, но за пределами непосредственного восприятия лицом.

Работа выполнена при поддержке РФФИ — грант №19-012-00030 «Акаузальные семантические совпадения с точки зрения когнитивной лингвистики».

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
2. Берестнев Г. И. Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков* : в 2 ч. Липецк, 2017. Ч. 1. С. 36—44.
3. Берестнев Г. И., Васильева И. Б. О когнитивной природе «пророческих» сновидений // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2016. №1 (82). С. 126—136.
4. Берестнев Г. И., Киреева Я. А. Язык и когнитивная структура пророческих текстов: Античность и русское православие. Калининград, 2018.
5. Бушкевич С. П. Петух // *Славянская мифология: энциклопедический словарь*. М., 1995. С. 307—308.
6. Вагнер К. Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М., 1984. Т. 2.
8. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
9. Зданович Л. Приметы-подсказки на все случаи жизни. М., 2017.
10. Кулькова М. А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет (Лингвокультурологический подход) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

11. *Лурье М.Л.* Вещие сны и их толкование (на материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М., 2002. С. 26–43.

12. *Менский М.Б.* Сознание и квантовая механика. Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино, 2011.

13. *Разумова И.А.* Символика сновидений // Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 85–105.

14. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 4.

15. *Сафронов Е.В.* Вещее сновидение и сбывшееся событие: механизмы соотнесения // Народная культура Сибири : матер. XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2004. С. 220–224.

16. *Топорков А.Л.* Огонь // Славянская мифология : энциклопедический словарь. М., 1995. С. 284–285.

17. *Фаттахова Н.Н.* Семантика сопоставительных отношений в народных приметах // Филология и культура. 2016. №3 (45). С. 45–49.

18. *Харченко В.К., Тонкова Е.Е.* Лингвистика народной приметы. Белгород, 2008.

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Людмила Борисовна Бойко – канд. филол. наук, преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: boyko14@gmail.com

The authors

Dr Gennady I. Berestnev, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Dr Lyudmila B. Boyko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: boyko14@gmail.com